

УДК 808.53

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27

К. М. Шилихина

Воронеж, Россия

ИРОНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Демонстрируется, как организуются взаимоотношения между участниками политического диалога с помощью вербальной иронии. Рассматриваются два источника иронии: дискурс тех, кто находится у власти, и «встречный» дискурс аудитории. Поскольку все основные свойства политической коммуникации в наиболее ясном виде реализуются в публичном диалогическом общении, материалом исследования послужили стенограммы пресс- и интернет-конференций, а также записи микроблогов ведущих российских политиков.

Ключевые слова: политический дискурс; вербальная ирония; непрямая коммуникация; диалог; компьютерно-опосредованная коммуникация.

Сведения об авторе: Шилихина Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1.
e-mail: shilikhina@gmail.com.

Политический дискурс как специфическая сфера коммуникации, его структура и особенности стали объектом подробного лингвистического анализа относительно недавно [Чудинов 2006; Wilson 2003; Joseph 2006]. Тем не менее основные характеристики политической коммуникации описаны достаточно хорошо [Демьянков 2002; Шейгал 2004; Чудинов 2006]. Лингвистический анализ языка политики — это, по сути, выявление способов манипуляции языковыми знаками для достижения определенных политических целей. Неудивительно, что среди языковых средств организации политической коммуникации особое место занимает метафора — особенностям ее использования и методам ее описания посвящены многочисленные исследования [Lakoff 2002; Будаев, Чудинов 2007; Кобозева 2010]. Ирония в этом смысле — менее популярный объект исследования в политической лингвистике, хотя ее прагматический потенциал в плане воздействия и манипулирования собеседником/читателем давно отмечается исследователями: «То, что ирония может использоваться в качестве оружия, было известно всегда: публичное унижение и сатирическая острота имеют свои естественные следствия даже в том, как критики укрепляют свою власть над текстами (и особенно над невосприимчивыми читателями) через приписывание текстам иронии» [Hutcheon 1995: 9—10; перевод мой — К. Ш.].

Возможность использования иронии для воздействия на оппонентов и аудиторию определяется в первую очередь состязательностью (агональностью) политического дискурса. Именно это свойство в значительной степени диктует выбор языковых средств для наиболее эффективного воздействия на аудиторию. Ср. мнение В. З. Демьянкова: «...политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответ-

стве с определенными требованиями военных действий» [Демьянков 2002: 41]. Военная метафора характеризует политический дискурс самым оптимальным образом: коммуникативные действия описываются в терминах стратегий и тактик, а язык приобретает статус достаточно специфического инструмента — оружия.

Вербальная ирония получила статус инструмента воздействия на собеседника в рамках риторики: традиция выражения иронического отношения к оппоненту и его мнению в споре была заложена еще в античности. Как правило, исследователи связывают искусство использования иронии в политических целях с фигурой Сократа [Markovits 2004].

Во 2-й пол. XX в. «инструментальное» отношение к иронии стало объектом критики, поскольку многие случаи иронической коммуникации при таком подходе не попадают под традиционное определение, остаются «за бортом». Недостаточная объяснительная сила традиционной риторической трактовки иронии стала толчком к развитию многочисленных теорий вербальной иронии [Verbal Irony 2007], однако до сих пор исследователям не удалось выработать общепризнанного определения этого явления. Лингвисты и философы языка обращают внимание на невозможность однозначной дефиниции иронии, поскольку ее проявления в дискурсе весьма разнообразны.

Решением проблемы определения иронии может стать ее более широкая трактовка как *дискурсивной практики*, т. е. целенаправленного использования языковых средств не только для передачи смысла, но и для трансляции определенных социальных отношений (ср. сосредоточенное на лингвистической составляющей определение дискурсивной практики у А. Н. Баранова: «Под дискурсивной практикой понимаются тенденции в

Код ВАК 10.02.19

К. М. Shilikhina

Voronezh, Russia

IRONY IN POLITICAL DIALOGUE

Abstract. The aim of the article is to demonstrate the role of verbal irony in the construction of relationship between the participants of political discourse. There are two potential sources of irony — the politicians' discourse and the discourse of the audience, which now contributes to political dialogue via Internet. Transcripts of press-conferences and Internet conferences illustrate how irony functions in a public political dialogue.

Key words: political discourse; verbal irony; indirect communication; dialogue; computer-mediated communication.

About the author: Shilikhina Ksenia Mikhailovna, Candidate of Philology, Post-doctoral Researcher, Department of Translation and Intercultural Communication.

Place of employment: Voronezh State University.

использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла» [Баранов 2001: 246]). Понятие *дискурсивная практика* используется по аналогии с термином *социальная практика*, обозначающим регулярные действия, которые осуществляются в соответствии с существующими социальными нормами [Bloor & Bloor 2007]. Дискурсивная практика — это частный случай практики социальной, поскольку состоит только в речевых действиях. При этом дискурсивная практика обладает несколькими важными свойствами: во-первых, она не зависит от сферы коммуникации, т. е. потенциально может использоваться не только в политическом дискурсе, но и в других сферах деятельности человека; во-вторых, дискурсивная практика предполагает наличие определенных ролей у участников общения. Применительно к иронии обязательны роли инициатора иронии, адресата иронического высказывания/текста, а также объекта (жертвы) иронического отношения [Шилихина 2011]. Есть еще одна причина считать иронию не риторическим тропом, а дискурсивной практикой, — невозможность «привязать» иронию к конкретному уровню языка, поскольку создать иронию в дискурсе можно самыми разными способами — от интонации до специфической синтаксической организации высказывания и, шире, логико-семантических отношений между клаузами внутри текста. Таким образом, понятие дискурсивной практики оказывается удобным по нескольким причинам: оно позволяет описывать разнородные по форме проявления иронии как речевые действия, направленные на создание сходных семантических и прагматических смыслов.

Прямые и косвенные способы выражения идей в политической коммуникации

Чтобы понять, какое место занимает дискурсивная практика иронии в современном политическом дискурсе, необходимо обратиться к проблеме соотношения прямых и косвенных способов коммуникации. Принято считать, что дискурс политиков отличается неопределенностью. Неопределенность предполагает возможность нескольких способов интерпретации высказывания, а значит, таит в себе опасность обмана. На это обстоятельство обращали внимание еще античные политики, для которых прямая коммуникация была одной из основных норм политического дискурса [Markovits 2004].

Анализируя особенности современной политической коммуникации, Е. И. Шейгал пишет: «... неопределенность выступает в качестве специфического для политического (профессионального) подъязыка проявления эзотеричности. Политики, как никто другой, умеют уходить от прямого ответа на вопрос, умеют сказать много и при этом не сказать ничего. Специфика тайноречия в политическом дискурсе заключается не в языке политики как таковом, большинство знаков которого является широко известными, общедоступными для понимания, а в самом характере общения. Другими словами, эзотеричность политического дискурса — не семантическая, а прагматическая характеристика» [Шейгал 2001: 63].

Итак, в современном политическом дискурсе, в противовес античному, неопределенность стала нормой речевого поведения. При этом исследователи совершенно справедливо указывают на другую прагматическую потребность, противоречащую неопределенности, — необходимость быть понятым аудиторией. Представляется, что опытные политики умело сочетают эти два свойства — неопределенность и понятность, — переходя от общих фраз к прямым способам выражения мыслей. Иными словами, в официальном политическом дискурсе представители власти имеют возможность выбирать между прямыми и косвенными стратегиями воздействия на аудиторию.

Для различия прямых и косвенных способов общения лингвисты привлекают в первую очередь семантические критерии. Прямая коммуникация, в отличие от косвенной, обладает свойством однозначности и не требует от адресата дополнительных усилий для интерпретации сказанного [Чернявская 2006; Дементьев 2006]. Данный критерий, интуитивно понятный носителю языка, не учитывает фактора субъективности: там, где один коммуникант увидит единственный вариант интерпретации высказывания или текста, другие могут обнаружить два и более. Поэтому для различия прямой и непрямой коммуникации исследователи предлагают также и другие лингвосемиотические критерии. Например, В. В. Дементьев предлагает критерий, близкий формально-семантическому принципу композициональности: можно говорить о прямой коммуникации в тех случаях, когда «... в содержательной структуре высказывания смысл = значению, то есть план содержания высказывания, выражаемый значениями компонентов высказывания (слов, граммем и т. п.), зафиксированных в словаре, совпадает с итоговым коммуникативным смыслом» [Дементьев 2006: 7].

Очевидно, такой подход к прямой коммуникации — своеобразный «семантический идеал». В реальности совпадение смысла и значения высказывания — чрезвычайно редкое явление. По мнению К. Баха, прямая коммуникация, при всех ее достоинствах, хороша лишь в определенных обстоятельствах (например, при подписании делового соглашения или создании компьютерной программы). Гораздо чаще люди предпочитают непрямые способы выражения мыслей, оставляя собеседнику возможность додумать недосказанное [Bach 1994]. Поэтому четкое и однозначное разграничение прямой и непрямой коммуникации практически невозможно, вернее говорить о степени прямоты/косвенности коммуникации.

Как реализуются эти два способа общения в политическом дискурсе с учетом необходимости быть понятым и потребности сохранять неопределенность?

Представители власти предпочитают «добросовестные» способы коммуникации и прямые оценки событий в тех случаях, когда однозначность понимания высказывания является прагматическим приоритетом. В качестве примера приведем фрагмент из пресс-конференции В. В. Путина.

(1) Э. Мацкевич. *А вторая часть вопроса, Владимир Владимирович, по поводу того, что дома могут сами загореться.*

В. Путин. Вторая часть — по поводу того, что могут, **прямо скажем**, поджигать дома, для того чтобы получить эти компенсации [Разговор с Владимиром Путиным].

Данный диалог хорошо иллюстрирует стремление политика избегать расплывчатых формулировок, потенциально имеющих неограниченное количество интерпретаций (*дома могут сами загореться*), при этом используется маркер прямой коммуникации: *могут, прямо скажем, поджигать дома*. Такой выбор лексики соответствует стандарту речевого поведения премьер-министра в кризисной ситуации: прямая характеристика действий является максимально понятным для аудитории способом «упаковки» мысли.

Что касается непрямых способов коммуникации, дискурсивная практика иронии занимает среди них особое место [Кашкин, Шилихина 2009]. Коммуникативные преимущества дискурсивной практики иронии для политического дискурса очевидны: она апеллирует одновременно и к разуму (понимание иронии во многом опирается на механизм инференции), и к эмоциям адресатов. Неудивительно, что в современной политической коммуникации ирония используется всеми участниками: и теми, кто находится у власти, и теми, кому адресованы речи политиков. Возникновение «встречного потока» иронии (от аудитории к политическим деятелям) — это относительно новое явление в политической жизни, поскольку ирония аудитории реализуется преимущественно в интернет-коммуникации, например в режиме онлайн-конференций с представителями власти (примеры таких диалогов будут рассмотрены ниже).

Политическая коммуникация, как правило, анализируется в направлении «политик → аудитория», т. е. тем, на кого направлено воздействие, обычно отводится роль менее активная по сравнению с политическими лидерами. Поэтому наиболее популярный объект исследования в политической лингвистике — речевая деятельность представителей власти [Спиридовский 2006; Presidential Campaign Discourse 1995]. Менее популярен дискурс оппозиции [Синельникова 2010]. Наименьшее внимание уделяется коммуникативной деятельности, идущей в обратном направлении — от аудитории к политикам, и это объясняется тем, что до появления Интернета сбор информации о такой коммуникации был долгим и трудоемким. Сегодня Интернет стал именно той площадкой, где осуществляется такая коммуникация, и у лингвистов появилась возможность исследовать и эту важную составляющую политического дискурса.

Перейдем к непосредственному рассмотрению случаев использования иронии в политическом диалоге в двух направлениях: от политика к аудитории и от аудитории к политику. Цель нашего анализа — выявить, какой прагматический эффект может быть достигнут в обоих случаях. Начнем с примеров иронии в направлении «от политика к аудитории».

Ирония «от политика к аудитории»

В качестве примера того, как функционирует ирония в диалогическом общении политиков с аудиторией, рассмотрим два фрагмента. Пример

(2) — фрагмент стенограммы встречи Д. А. Медведева со студентами и преподавателями технических вузов 29 марта 2011 г. [Встреча Д. А. Медведева].

(2) Вопрос. *Добрый день, Дмитрий Анатольевич! Я представляю Московский энергетический институт. В прошлом году при поддержке Федеральной сетевой компании в нашем строительном отряде была организована работа на энергообъектах. Всем очень понравилось, ребята остались довольны.*

Д. Медведев. Где Вы были-то?

Реплика. *Я конкретно не была. Но я знаю, что...*

Д. Медведев. *Вот так. (Смех.)*

Реплика. Я знаю, что ребята ездили по разным городам России, и, по-моему, планировалась еще поездка в Сочи на энергообъекты. Желающих становится все больше с каждым годом. И хотелось бы узнать, планируется ли поддержка строительного отряда другими компаниями, госкорпорациями, организациями какими-либо? Спасибо.

Д. Медведев. Спасибо. „*Я, конечно, Пастернака не читал, но, как и все советские люди...*“ Безусловно планируется. Я сам посещал в Сочи один из таких строительных отрядов. Там были, кстати, студенты из разных университетов. Может быть, кстати, и из вашего были, я уже сейчас не помню. И они строят довольно много объектов. Это очень полезно и для самих студентов, и для компаний. Хорошо, что этим занимается сетевая компания и другие энергетические корпорации этим занимаются.

Ирония возникает за счет интертекстуальной отсылки к принятой в советском обществе модели поведения, предполагавшей коллективное публичное осуждение поэта или писателя людьми, не знакомыми с его творчеством. Ироническое упоминание этой практики — имплицитная оценка собеседника как некомпетентного в конкретном вопросе, отрицание его права на обсуждение выбранной темы. Характерно, что следующий коммуникативный шаг президента — сообщение необходимой информации, т. е. пример прямой коммуникации.

Пример (3) — фрагмент пресс-конференции Д. А. Медведева 18 мая 2011 г. [Пресс-конференция Д. А. Медведева]. Этот пример интересен тем, что ирония создается обоими участниками диалога.

(3) А. Туманов. Для начала поблагодарить за то, что все-таки вызвали меня, потому что — если бы Вы знали, какие ставки заключаются, удастся ли мне опять задать вопрос! Удалось.

Д. Медведев. И при том, что мы с вами были на шести сотках, но мы об этом не договаривались.

А. Туманов. А я про это и хотел сказать. Вы в начале своего выступления говорили, что поездили по стране, брали с собой журналистов. Я хочу коллегам подтвердить, что ездил с Дмитрием Анатольевичем: Оренбургская область, Саратовская область, по сельхозрегионам. И мы заехали в садоводческое товарищество „Гвоздика“. У меня такая уникальная возможность

была посмотреть на мир глазами Президента. Знаете, мне мир этот очень понравился, он был почти идеален. И я потом недели две отыкал, меня даже два раза оштрафовали за то, что я на красный свет проезжал.

Так вот, в товариществе „Гвоздика“ все было идеально, все прекрасно, но это же не так. Если мы сейчас проедем в любое садоводческое товарищество, миллион вопросов, тысячи вопросов. Люди фактически поражены в правах, то есть они немножко „недограждане“ нашей страны, они живут не по законам, даже не по Конституции — по понятиям, скорее. Так вот, меня всегда интересовало, если мне немножечко отыскать пришло, как Вы считаете, насколько Вы объективно видите картину мира?

Д. Медведев. Понятно, ну уже философские обобщения. За тот период, пока Вы задаете на таких больших пресс-конференциях вопросы, Ваше восприятие жизни стало точно более философским. Знаете, в отличие от Вас у меня не возникло ощущения, что в садоводческом товариществе „Гвоздика“ все идеально. У меня как раз возникли другие ощущения. Понятно, всегда, когда приезжает начальство, местные руководители стараются все залакировать. Это очевидно. В то же время по количеству проблем, которые даже там есть, это, в общем, вполне обычное товарищество, те же самые шесть соток, отсутствие, кстати сказать, газа на тот период.

Коммуникативные действия журналиста и президента в приведенном выше фрагменте наглядно демонстрируют агональность политического дискурса. Оба участника используют иронию: первая пара реплик — контактоустанавливающие: журналист задает игровой тон общения и посыпает первый сигнал о своем предыдущем опыте участия в подобных пресс-конференциях (опять задать вопрос). В ответной реплике президент также упоминает факт знакомства с журналистом, однако его цель другая — сблизить изначально неравные коммуникативные позиции и быть признанным «своим» в данной аудитории.

Далее о своем опыте общения с президентом снова говорит журналист (Я хочу коллегам подтвердить, что ездил с Дмитрием Анатольевичем), повышая собственный престиж и авторитетность в глазах коллег. Это позволяет ему «применить на себя» роль главы государства (У меня такая уникальная возможность была посмотреть на мир глазами Президента. Знаете, мне мир этот очень понравился, он был почти идеален). В ответной реплике политик иронично напоминает собеседнику о его реальной роли в диалоге (За тот период, пока Вы задаете на таких больших пресс-конференциях вопросы...). В результате диалог превращается в состязание, инициированное журналистом.

С какой целью каждый из участников диалога использует иронию? Ирония журналиста — это своеобразная провокация, проверка президента «на прочность». У политика ситуация более сложная: с одной стороны, аудитория ожидает от него прямых речевых действий, с другой — ирония журналиста вынуждает президента тоже исполь-

зовать непрямые способы коммуникации. Поэтому ответная ирония президента — в первую очередь «перехват» коммуникативной инициативы, кроме того, сигнал, указывающий, что интенция журналиста понята правильно. Такой сигнал в политическом дискурсе необходим, чтобы «сохранить лицо» перед аудиторией, считаться «своим» в противовес «чужим», которые могут не понять иронии.

Ирония «от аудитории к политику»

Выше мы уже упоминали, что в политическом дискурсе существует «встречный поток»: инициатором иронической коммуникации выступает аудитория в лице отдельных представителей или как в виде обезличенного «коллективного говорящего». В отличие от политиков, у которых есть доступ к различным информационным ресурсам, простые граждане используют компьютерно-опосредованную коммуникацию для инициирования политического диалога.

В лингвистике сложилась традиция анализа интернет-коммуникации прежде всего с точки зрения общих технических возможностей, поскольку они определяют потенциальный перечень тех или иных коммуникативных действий [см., напр.: Щипицна 2009]. В данной статье мы сознательно отказались от обращения к технологической составляющей, поскольку вряд ли она оказывает серьезное влияние на выражение иронической интенции. Отметим только особенности подобного «режима» общения, которые позволяют (или, наоборот, запрещают) ее участникам определенные речевые действия:

- гибкий, динамичный характер взаимодействия участников компьютерно-опосредованной коммуникации;
- возможность «сконструировать» виртуальную личность коммуниканта;
- отсутствие непосредственного контакта между участниками общения (именно это свойство отражено в названии *компьютерно-опосредованная коммуникация*);
- возможность подключения неограниченного количества участников к диалогу;
- речевые произведения автоматически становятся частью гипертекста и могут воспроизводиться неограниченное количество раз в других текстах.

Чтобы проиллюстрировать иронический дискурс в направлении «от аудитории к политику», проанализируем два примера: вопросы к спикеру Государственной думы РФ Б. В. Грызлову и также записи микроблога «Первый Президент Роисси». В первом случае вопросы собирались заранее для виртуальной пресс-конференции на сайте www.gazeta.ru. В случае с микроблогом «Первый Президент.ru» у него есть конкретные авторы.

Вопросы к Б. В. Грызлову интересны в первую очередь тем, что политический дискурс инициирован «коллективным говорящим». Взятые в совокупности, вопросы образуют общий текст, у которого нет единого автора. Список вопросов создавался разными людьми, идентичность которых скрыта, кроме того, вариативность параметров (возраст, пол, образование и др.), скорее всего, настолько велика, что не может быть учтена как

фактор, влияющий на речевую деятельность (проявления идентичности пишущих при таких условиях коммуникации минимальны). Можно говорить о минимальной степени эксплицированности личностей коммуникантов. Соответственно, ирония в данном тексте не зависит от индивидуально-личностных характеристик писавших. Кроме того, перед нами случай «чистой» вербальной иронии: поскольку мы имеем дело с письменной коммуникацией, у авторов не было возможности прибегать к интонационным сигналам иронии, жестам, мимике и др.

Ниже приведено несколько вопросов.

(4) *Как вы считаете, эффективно ли работает система государственного управления в России, если для того, чтобы начать адекватное расследование любого резонансного преступления, необходимо личное вмешательство Премьер-министра или Президента? Успевают ли эти уважаемые люди спать, есть иходить в туалет, если им приходится вручную руководить чуть ли не майорами и лейтенантами?* (Юрий)

(5) *Как здоровье: ваше и других руководителей ЕР? Можно ли надеяться на ваш скорый уход?* (Денис)

(6) *Борис Вячеславович, а Вам власти хватает?* (Виктор)

(7) *Как вы считаете, нужно ли выполнять предвыборные обещания?* (Петя)

Ирония, содержащаяся в большинстве вопросов, — это яркий пример непрямой коммуникации: хотя высказывания формально выглядят как вопросы, их авторы не заинтересованы в получении конкретной информации. Большинство вопросов являются риторическими и не предполагают ответа, поскольку не содержат момента так называемого иллютивного вынуждения [Баранов, Крейдлин 1992]. По сути, это завуалированное выражение негативной оценки деятельности конкретного политика и партии. Складывается ситуация, при которой граждане сознательно игнорируют воз-

можность получить необходимую информацию; вместо этого авторы вопросов имплицитно выражают негативное отношение к собеседнику. Ирония выполняет двоякую функцию: с одной стороны, она позволяет привлечь к себе внимание (действительно, многие вопросы были процитированы и прокомментированы интернет-пользователями на других сайтах), с другой — такое коллективное некооперативное речевое поведение может быть интерпретировано как отказ от участия в реальном политическом диалоге.

Еще один пример иронии «снизу вверх» — Твиттер «Персидента Роисси» (<http://twitter.com/#!/KermlinRussia>). Это микроблог, авторы которого предпочитают не называть своих имен. Поэтому можно сказать, что Персидент — это и есть пример «сконструированной» виртуальной личности. Процитируем некоторые записи:

(8) *Чтобы удвоить подушевой ВВП, нам потребуется вдвое сократить население.*

(9) *В словосочетании „свобода выбора“ нам очень не нравятся два слова.*

(10) *В „Справедливой России“ прочитали в словаре, что значит слово „справедливая“ и поняли, что им не подходит это название.*

(11) *По „Первому каналу“ сказали, что Константину Эрнсту исполнилось 50 лет. Думаю, этой новости можно верить.*

Твиттер «Персидента Роисси» — это пародийная имитация неформального политического дискурса Д. А. Медведева. Записи президентского микроблога (<http://twitter.com/#!/medvedevrussia>) — пример «доброповестной» коммуникации, соответствующей прагматическому идеалу принципа кооперации Г. П. Грайса [Grice 1989]:

(12) *Пензенские предприниматели правы: успех страны невозможен без уважения к бизнесу.*

(13) *Теперь день рождения Александра Пушкина — День русского языка. Говорите правильно — и не только 6 июня.*

Часто записи Твиттера «Персидента» открыто пародируют записи Д. А. Медведева.

Твиттер Президента РФ	Твиттер Персидента Роисси
Был на концерте Элтона Джона. Очень серьезная, качественная работа — почти три часа живой музыки.	Был на концерте Элтона Джона. Серьезная, качественная работа — он не только поет на английском, но и играет на рояле всеми пальцами.
Всех поздравляю с Днем Конституции. Конституция определяет, что все мы ответственны за судьбу нашей страны. Об этом надо помнить всегда.	Всех поздравляю с Днем Конституции. Конституция — это тоненькая книжечка, которую никто особо не читает. Об этом надо помнить всегда.
Ура! Победа! Мы принимаем Чемпионат-2018! Теперь нужно как следует готовиться к проведению ЧМ. И, конечно, достойно выступить.	Ура! Победа! Мы принимаем Чемпионат-2018! Теперь у меня будет свой «Футболстрой», с бюджетом и откатами!
«Белое море» в Дзержинске — кладбище химических отходов. Будем решать экологические проблемы в нашей стране.	«Белое море» в Дзержинске — кладбище химических отходов. Будем решать, куда пойти ужинать — в Татлер или Пушкин.

Записи президентского микроблога имеют единую схему с четким теморематическим членением: в первой части обозначается тема сообщения (как правило, называется конкретная социально-политическая проблема или событие). Вторая часть записи — это рема, в которой либо выражается отношение к событию, либо предла-

гаются конкретные действия по решению проблемы.

По аналогичной схеме строятся записи Твиттера «Персидента», с той только разницей, что между первой и второй частью нарушены логико-семантические связи (экологическая проблема никак не связана с выбором дорогого ресторана).

Если связь между темой и ремой все же сохраняется, то, как правило, иронический эффект возникает в результате нарушения социальных норм: Президент открыто радуется возможности создания новых коррупционных схем при подготовке чемпионата мира по футболу или признает правовой нигилизм (никто не читает Конституцию) нормальным положением дел.

Записи в Твиттере «Первого Президента Роисси» показывают, что уровень доверия к прямой коммуникации главы государства невелик: доведение точки зрения политика до абсурда — еще один пример того, как аудитория с помощью иронии отказывается от участия в политической коммуникации.

Иронию в политической коммуникации можно сравнить с приправой, придающей блюду остроту. В политическом диалоге эта дискурсивная практика создает напряжение, поскольку позволяет имплицитно выражать мнение о существующих порядках и социальных ценностях, демонстрировать негативное отношение к оппоненту. Помимо этого, ирония является проявлением конкуренции социальных и коммуникативных позиций участников политического дискурса. Снова обращаясь к военной метафоре, можно сказать, что ироничное отношение к идеям оппонента — это кратчайший способ «обезоружить» соперника. Победа над конкурентом — основная цель привлечения дискурсивной практики иронии, однако, как было показано выше, с ее помощью коммуникант может параллельно решать и другие коммуникативные задачи: устанавливать коммуникативную дистанцию, примерять на себя роль собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллютивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкоznания. 1992. № 2. С. 84—99.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 1 (21). С. 22—31.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М. : Гнозис, 2006.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. — М., 2002. № 3. С. 32—43.

Кашкин В. Б., Шилихина К. М. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2009. С. 291—301.

Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 41—46.

Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 34—38.

Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 161—169.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006.

Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса // Сб. эссе о социальной власти языка : коллект. моногр. / ВГУ. — Воронеж, 2001. С. 57—64.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Шилихина К. М. Вербальная ирония: свойство текста или результат интерпретации? // Вестн. Твер. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 80—85.

Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистические аспекты анализа. — М. : УРСС, 2010.

Bach K. Semantic Slack: What is said and More // Foundations of Speech Act Theory / ed. by L. Tsohatzidis. — L. : Routledge, 1994. P. 267—291.

Bloor M., Bloor T. The Practice of Critical Discourse Analysis. An Introduction. — L. : Hodder Arnold, 2007.

Day A. Satire and Dissent: Interventions in Contemporary Political Debate. — Indiana Univ. Pr., 2011.

Grice H. P. Studies in the Way of Words. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1989.

Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. — N. Y. : Routledge, 1995.

Joseph J. E. Language and Politics. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2006.

Lakoff G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2002.

Markovits E. Well-Spoken: Frank Speech, Irony, and the Art of Politics in the Gorgias : paper presented at the annual meeting of the The Midwest Political Science Association, Palmer House Hilton, Chicago, Illinois, Apr 15, 2004. URL: http://www.allacademic.com/meta/p84011_index.html.

Presidential Campaign Discourse. Strategic Communication Problems / ed. by K. Kendall. — N. Y. : SUNY Pr., 1995.

Verbal Irony: A Cognitive Science Reader / ed. by R. Gibbs, H. L. Colston. — 2007.

Wilson J. Political Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen & H. E. Hamilton. — Oxford : Blackwell Publishing, 2003. P. 398—416.

ИСТОЧНИКИ

Встреча Д. А. Медведева со студентами и преподавателями технических вузов 29 мар. 2011 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/10759> (дата обращения: 14.07.2011).

Вопросы к спикеру Государственной Думы Российской Федерации Б. В. Грызлову. URL: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3337459.shtml?allq100> (дата обращения: 12.10.2010).

Пресс-конференция Д. А. Медведева 18 мая 2011 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11259/work> (дата обращения: 14.07.2011).

Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение : спец. программа. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/13427/> (дата обращения: 12.07.2011).

Твиттер Президента РФ Д. А. Медведева. URL: <http://twitter.com/#!/medvedevrussia> (дата обращения: 15.07.2011).

Твиттер «Первого Президента Роисси». URL: <http://twitter.com/#!/KermlinRussia> (дата обращения: 15.07.2011).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов